

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советская доктрина
международного права.**

Глава 6.

Октябрь–декабрь 1941 года:

Секретное постановление ГКО от 15 октября 1941 г.

«Об эвакуации столицы СССР г. Москвы».

Вступление США в войну против Германии и Японии.

Декларация Объединенных Наций от 1 января 1942 г.

Опубликовано:

Законодательство.

2025

№ 10. С. 86–94. № 11. С. 77–85. № 12. С. 78–81

1

Утром 15 октября 1941 года Государственный комитет обороны издал секретное постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Его содержание было весьма необычным. Ссылаясь на неблагоприятное положение в районе Можайской оборонительной линии, ГКО предписывал:

«1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Обороны в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)»¹.

---

¹ Постановление ГКО СССР № 801сс «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 15 октября 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 155. До конца 1980-х гг. это постановление ГКО было засекречено. Впервые его опубликовал А.М. Самсонов в книге «Знать и помнить: Диалог историка с читателем» (М., 1989. С. 341—342).

Подготовка правительственных учреждений к эвакуации из города Москвы началась сразу после нападения Германии на нашу страну. 29 июня 1941 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О переводе из Москвы наркоматов и главных управлений»². Оно касалось в основном государственных органов, осуществлявших руководство различными сферами промышленности, сельского хозяйства и снабжения. Но одновременно стала готовиться эвакуация и Наркомата иностранных дел. К концу июля из Москвы в Куйбышев и Мелекесс (с 1972 г. Дмитровград) была отправлена значительная часть архивных документов внешнеполитического ведомства. К середине октября, когда началась эвакуация сотрудников Наркомата, весь его архив был уже вывезен из столицы.

16 октября 1941 года Москву охватила паника. Тысячи москвичей бросились из города. Панические настроения ослабли только после того, как стало известно, что Сталин все же остается в Москве, и что для защиты столицы будут предприняты все необходимые меры. Соответственно в Москве остались и Генеральный штаб, и Наркомат обороны.

Не покинул Москву также заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, хотя постановлением ГКО ему было приказано переехать в Куйбышев. Руководство Наркоматом иностранных дел СССР в эвакуации было возложено на первого заместителя наркома А.Я. Вышинского. Поэтому вечером 16 октября Андрей Януарьевич вместе с основным кадровым составом советского внешнеполитического ведомства отправился в Куйбышев.

Перевод Наркомата иностранных дел СССР в этот город был необходим вследствие перемещения сюда иностранных посольств. Президиум же Верховного Совета СССР вместе с его председателем М.И. Калининым оказался здесь потому, что вполне мог выполнять функции, оставшиеся у него после создания Государственного комитета обороны, в любом городе Советского Союза.

Утром 15 октября, т.е. как только вышло рассматриваемое постановление ГКО, Молотов пригласил к себе в кабинет послов США и Великобритании, чтобы сообщить им о решении советского правительства эвакуироваться вместе с дипломатическим корпусом в Куйбышев. Послы заявили, что хотели бы эвакуировать сотрудников посольства, а сами желали бы остаться в Москве до последней возможности, но Молотов настоял на том, чтобы и послы отправились в Куйбышев одновременно со своими сотрудниками.

Постановление ГКО предусматривало переезд из Москвы в Куйбышев всех высших органов государственной власти и управления, именно поэтому в его названии говорилось об **«эвакуации столицы СССР г. Москвы»**. Однако в действительности все высшее руководство Советского государства вместе с Генеральным штабом и Наркоматом обороны осталось в Москве. Более того, можно уверенно утверждать, что оно и не собиралось покидать Москву.

---

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 659. Л. 195-198.

Перемещение высшего советского руководства в Куйбышев с большой вероятностью повлекло бы за собой сдачу столицы, что резко затруднило бы ведение войны и тем самым поставило нашу страну в чрезвычайно сложное положение. Между тем возможность спасти Москву и даже разгромить стоявшие на подступах к ней германские войска являлась вполне реальной. По воспоминаниям В.М. Молотова, в то время в запасе у Сталина находилось «пять полнокompлектных армий, вооруженных новой техникой»³, которые он берег для будущего контрнаступления, а в 20-х числах октября на помощь Москве должны были прибыть первые эшелоны с новыми воинскими частями из Сибири. Наступавшие же на Москву подразделения германского вермахта были после почти четырех месяцев жестоких боев истощены и не могли рассчитывать на скорое пополнение и тем более замену.

Принятое 15 октября 1941 года постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» искажало реальную военную обстановку. Предписывая «сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство», оно тем самым намекало, что захват столицы германскими войсками почти неизбежен, причем в ближайшее время, тогда как в действительности эта угроза была незначительной. С какой целью это делалось? Ответ на данный вопрос вытекает из содержания самого постановления. Думается, совсем не случайно его текст начинался с поручения Молотову «заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев», а Кагановичу и Берии — обеспечить этот отъезд.

Пребывавшие в Москве иностранные дипломаты, в особенности представители Великобритании и США, с первых дней после нападения Германии на СССР не скрывали своей заинтересованности в получении максимально возможного объема сведений о состоянии советских вооруженных сил, экономики, государственного управления, а также информации о доминирующих в советском обществе умонастроениях. Для достижения этой цели британские и американские представители использовали прежде всего официальные встречи с советскими должностными лицами, проходившие в связи с формированием военно-политического союза СССР, Великобритании и США. Параллельно дипломаты активно старались наладить неофициальные отношения с советскими должностными лицами. 9 октября 1941 года британский посол Стаффорд Криппс записал в своем дневнике: «Мы не можем убедить руководителей британской разведки смотреть на нынешнюю ситуацию иначе как на возможность получить интересующую их секретную информацию о России, которую они не могли собрать в течение 20 последних лет. Они повсюду стремятся внедрить своих шпионов»⁴.

³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 56.

⁴ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 133.

Настойчивые попытки сотрудников посольств Великобритании и США установить тесные неофициальные контакты с сотрудниками советских государственных органов не могло не вызывать у Сталина опасений. Он хорошо понимал, к каким трагическим для нашей страны последствиям могла привести эта активность британских и американских дипломатических представителей. Государственный переворот конца февраля – начала марта 1917 года, приведший к гибели Российской империи, был организован и направлялся находившимися в ее столице посольствами Великобритании и Франции. Вожди большевиков не принимали активного участия в этом перевороте, но главные его тайны были им известны. В марте 1917 года В.И. Ленин писал об истинных организаторах заговора против императора Николая II: «Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова... Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать “сепаратным” соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова»⁵.

Об активном участии посла Великобритании в государственном перевороте конца февраля 1917 года писал и такой осведомленный о закулисной стороне российских «революций» деятель, как Л.Д. Троцкий. В очерке «Мистер Болдуин и... постепенность», вошедшем в изданную в 1925 года книгу «Куда идет Англия», он вступил в полемику с премьер-министром Великобритании Стэнли Болдуином, заявившим в своей речи 12 марта 1925 г. о невыгодности революционных методов и преимуществе постепенности в общественном развитии. Троцкий обвинил Болдуина в лицемерии, указав, что для России британское правительство почему-то считало более выгодной не эволюцию, а именно революцию. «На моей памяти, — сообщил Лев Давидович, — в России произошли три революции: в 1905 г., в феврале 1917 г. и в октябре 1917 г.». Далее большевистский вождь заметил с явной издевкой: «Что касается Февральской революции, то ей некоторое скромное содействие оказал небезызвестный мистеру Болдуину Бьюкенен, который, очевидно, считал в этот момент, не без ведома своего правительства, что маленькая революционная катастрофа в Петербурге будет полезнее для дела Великобритании, чем распутинская постепенность»⁶. Роль британского посла Джорджа Бьюкенена в

⁵ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1: первый этап первой революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 31. С. 15–16.

⁶ Троцкий Л.Д. Куда идет Англия? М., 1925. С. 26.

февральских революционных событиях 1917 года в России была, конечно, далеко не скромной, но что интересно — вполне открытой⁷.

И Ленин, и Троцкий имели серьезные основания утверждать, что государственный переворот конца февраля – начала марта 1917 года был подготовлен дипломатическими представителями Великобритании и Франции, вступившими в сговор с оппозиционно настроенными по отношению к императору Николаю II российскими политиками, промышленниками и поддержавшими их некоторыми генералами и офицерами русской армии⁸.

Вышедшая утром в пятницу 3 (16) марта 1917 года — через несколько часов после отречения Николая II от императорской власти — лондонская газета «*The Daily Mirror*» отреагировала на это событие весьма примечательным заявлением, помещенным вверху первой страницы: «Full Story of Russian Revolution — Another British Gain» («Полная история русской революции — еще одно британское достижение»). Ниже на той же странице, над фотографиями Николая II, его супруги-царицы и цесаревича Алексея, шла надпись: «Abdication of the Tsar of Russia — the Grand Duke Michael Becomes Regent — Amazing News From Petrograd (Отречение Царя России — великий князь Михаил становится регентом — замечательные новости из Петрограда)». В Петрограде новость об отречении императора была опубликована только на следующий день — 4 (17) марта, а в Англии о ней узнали сразу, причем в распоряжении лондонской газеты был первый проект манифеста об отречении, предполагавший переход императорской власти к цесаревичу Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Сталин знал эту подоплеку февральско-мартовской «революции» 1917 года и был осведомлен о последующих активных попытках британских дипломатов влиять на ход политических событий в России. Его решение о перемещении в середине октября 1941 года всех иностранных миссий и в первую очередь посольств Великобритании и США из Москвы в Куйбышев было продиктовано не надуманной подозрительностью, а сведениями о прежней деятельности пребывавших в столице нашей страны иностранных дипломатов, часто выходившей за рамки дипломатических функций. В обстановке, когда у стен Москвы стояли войска Германии и ее сателлитов, резко возрастала опасность государственного переворота, причем не только прогерманского. Великобритания и США вполне могли воспользоваться случаем, чтобы заменить Сталина и его соратников другими советскими

---

⁷ 28 декабря 1916 г. посол Франции в России Мори Палеолог отметил в своем дневнике: «Вот уже несколько раз меня расспрашивают о сношениях Бьюкенена с либеральными партиями и даже серьезнейшим тоном спрашивают меня, не работает ли он тайно в пользу революции. Я каждый раз всеми силами протестую» (*Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 261).

⁸ Подробнее о тайнах государственного переворота конца февраля – начала марта 1917 г. в России рассказывается в очерке: *Томсинов В.А.* «Не ходите туда — там Смерть с надписью на лбу Свобода!»: уроки февральско-мартовской «революции» 1917 года в России // Законодательство. 2017. № 3–7.

государственными деятелями, более лояльными к иностранным интересам и способными превратить Советское государство в инструмент служения исключительно британским и американским целям.

Все эти обстоятельства объясняют не только принятие 15 октября 1941 года постановления ГКО об эвакуации иностранных миссий из Москвы, но и заинтересованность Сталина в том, чтобы данная мера была осуществлена без промедления. Добиться этого от иностранных дипломатов можно было, лишь представив им серьезные основания для их быстрого выезда из Москвы. Самым убедительным среди таких доводов могла стать лишь эвакуация в Куйбышев всего советского правительства, в том числе его главы и верховного главнокомандующего, под предлогом скорого захвата города германским вермахтом. Весьма вероятно, что именно с этим связано появление в постановлении ГКО от 15 октября 1941 года заявления об эвакуации Молотова и Сталина, при том, что в действительности оба они намеревались оставаться в Москве.

Описывая в дневнике состоявшуюся 16 октября встречу с Молотовым, во время которой тот сообщил, что советским правительством принято решение об эвакуации Москвы, в том числе всего дипломатического корпуса, Стаффорд Криппс отметил, что «никогда не видел его таким уставшим. Он наверняка не спал всю ночь. Было ясно, что это решение далось ему с болью. Молотов выглядел смертельно бледным, а воротничок его рубашки был весь измят, хотя обычно нарком очень аккуратен»⁹. Внешний вид наркома иностранных дел СССР явно произвел на британского посла большое впечатление.

Вполне возможно, что Молотов не играл, а на самом деле был расстроен ухудшением военной обстановки у Москвы и не считал необходимым скрывать это свое состояние. Советское руководство допускало, что в Москву могут вступить германские войска. Предусмотренная постановлением ГКО от 15 октября 1941 года подготовка к взрыву «предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать», действительно велась. Но нельзя не признать, что благодаря такому внешнему виду Молотов без особых усилий убедил британского и американского послов в том, что сам он и все советское правительство покидают Москву, а значит иностранным послам нет никакого смысла в ней оставаться.

Криппс догадался о том, что его и других иностранных послов обманули, только когда оказался в Куйбышеве. По приезде 20 октября у него состоялся разговор с прибывшим сюда А.Я. Вышинским. Андрей Януарьевич сообщил британскому послу, что отныне все проблемы всем иностранным послам придется решать только через него, назначенного осуществлять руководство переехавшим в Куйбышев Наркоматом иностранных дел СССР.

В дневниковой записи, сделанной на следующий день, Криппс не скрывал своего крайнего раздражения: «Прошлой ночью я видел Вышинского и понял, что нас обвели вокруг пальца. Хотя это и произошло случайно, ситуация чрезвычайно серьезная.

---

⁹ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса. С. 133.

Советское правительство не приехало в Самару. Нет здесь также и сотрудников из учреждения Микояна (Наркомата внешней торговли. — *В.Т.*). Генеральный штаб не переехал, а сам Молотов, несмотря на свои заверения, тоже остался в Москве. Мы изолированы и ничего не можем предпринять. Даже на самые простые вопросы, которые я задавал Вышинскому, тот отвечал, что для этого надо звонить в Москву. Это означает, что ничего нельзя сделать и что произошел обрыв всех связей. Я потребовал, чтобы мне и нескольким сотрудникам посольства, и руководителям миссии немедленно разрешили возвратиться в Москву. И, если мне не позволят уехать, я намерен заявить, что покину эту страну»¹⁰.

В конце октября в помощь британскому послу в Куйбышев прибыл со своими помощниками временный поверенный в делах Великобритании в СССР Герберт Баггaley. К этому времени здесь уже обосновались сотрудники двенадцати иностранных посольств (Афганистана, Болгарии, Великобритании, Греции, Ирана, Китая, Монголии, США, Тувы, Японии и др.). Позднее к ним добавились пять иностранных миссий (Австралии, Кубы, Мексики, Канады, Бельгии), пять дипломатических представительств не покорившихся Гитлеру правительств в изгнании (Греции, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославия) и представительство Комитета национального освобождения Франции. Весь этот дипломатический корпус, насчитывавший вместе с членами семей дипломатов, переводчиков, поваров и шоферов около 300 человек, оказался на попечении Вышинского.

Официальная деятельность Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве началась 6 ноября 1941 года. В этот день в оперном театре города состоялось торжественное собрание в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции с участием эвакуировавшихся из Москвы председателя и членов Президиума Верховного совета, руководителей и сотрудников правительственных органов, а также дипломатического корпуса и журналистов. Основной доклад сделал А.Я. Вышинский, хотя среди эвакуированных из Москвы в Куйбышев были и председатель Президиума Верховного Совета М.И. Калинин и секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев, и первый заместитель председателя СНК СССР Н.А. Вознесенский, то есть государственные деятели более высокого ранга, чем первый заместитель наркома иностранных дел. После доклада Вышинского состоялся концерт с участием эвакуированных из Москвы артистов Большого театра.

На следующий день — 7 ноября — в Куйбышеве прошел военный парад, на котором присутствовали все эвакуированные в этот город советские должностные лица и иностранные дипломатические представители. Вышинский стоял на центральной трибуне с М.И. Калинин, А.А. Андреевым и Н.А. Вознесенским.

Вечером Вышинский устроил в зале куйбышевского облисполкома более чем трехчасовой дипломатический прием в честь годовщины Октябрьской революции, на

¹⁰ Там же. С. 134.

который были приглашены пребывавшие в Куйбышеве иностранные послы, военные атташе, артисты Большого театра, советские и иностранные журналисты. Андрей Януарьевич постарался с каждым значимым гостем обменяться тостами и мнениями о международной обстановке. Результаты своих бесед он изложил в специальном отчете и направил его в Москву Сталину и Молотову, отметив, что наиболее интересными были высказывания британского и американского послов, а также послов Ирана (М. Саеда) и Турции (А.Х. Актая). Так, описывая разговор с послом США, Вышинский сообщил в отчете, что «Штейнгардт просил передать тов. Сталину просьбу послать свой фотографический портрет Рузвельту, а другой портрет дать ему, Штейнгардту, лично»¹¹.

Стаффорд Криппс в разговоре с Вышинским во время банкета сказал, что хотел бы съездить на два дня в Москву для встречи с Молотовым и Микояном, чтобы решить некоторые весьма важные вопросы по торговой линии. Андрей Януарьевич ответил, что передаст эту просьбу наркому Молотову.

Вышинский знал, что решение о замене Штейнгардта на другого посла уже согласовано Сталиным с Рузвельтом, а Криппс, оказавшись в Куйбышеве, искал повод для того, чтобы оставить дипломатическую службу в СССР. Об этом британский посол прямо говорил Вышинскому, умалчивая об истинной подоплеке своего стремления вернуться в Лондон. Но из содержания переписки Криппса с Черчиллем и дневника британского посла видно, что в октябре 1941 года стали усиливаться его разногласия с премьер-министром по вопросам политики правительства Великобритании относительно СССР.

В этой полемике со своим послом, пребывавшим в Куйбышеве, Черчилль показал истинное свое отношение к военно-политическому союзу Великобритании с Советским Союзом, которое ему удавалось искусно скрывать в письмах к Сталину. А Криппс проявил в этом споре качества здравомыслящего государственного деятеля, который понимал события, происходившие в то время на мировой политической арене более глубоко, нежели Черчилль, и был проницательнее его.

Вышинский выделял Криппса среди других иностранных послов и не только потому, что этот человек представлял одного из главных союзников Советской державы во Второй мировой войне. Будучи полномочным представителем Великобритании, Криппс должен был в общении с советскими должностными лицами всего лишь воспроизводить директивы и мнения своего правительства. Так поступали все послы. Но Криппс выходил за рамки этой роли и пытался влиять на политику своего правительства, проводившуюся по отношению к Советскому Союзу.

26 октября 1941 года британский посол направил из Куйбышева в Лондон Черчиллю телеграмму, в которой предпринял попытку объяснить ему, что реальной помощью сражающейся России может быть только помощь войсками. «В настоящее время русские

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. Оп. 3 АВТО. П. 4. Д. 31. Л. 42.

уверены, — писал Криппс своему премьер-министру, — что мы готовы воевать до “последней капли русской крови”, как об этом твердит пропаганда немцев. Они либо воспринимают любую нашу акцию таким образом, либо считают, что мы сидим и ждем, в то время как идут бои... Если мы действительно являемся союзниками, как об этом говорили Вы сами, то мы не должны говорить русским, что не можем послать им войска. Мы должны изыскать возможности для того, чтобы обсудить с ними этот вопрос. Тогда они смогут высказать свою точку зрения и подкрепить ее соответствующими аргументами»¹².

Упреки Стаффорда Криппса были вполне обоснованными: называя русских союзниками, Черчилль не желал принимать во внимание интересы нашей страны, не хотел даже просто обсудить с советским руководством возможность выработки компромиссных решений, соответствующих интересам обеих держав. Но в данном случае премьер-министр всего лишь следовал старинной внешнеполитической традиции британского правящего слоя, согласно которой любой союз, заключенный Великобританией с каким-либо государством, будь он торговый или военно-политический, рассматривался не как юридическая форма компромисса интересов и соответственно взаимных уступок, а как неформальное объединение для осуществления исключительно британских интересов.

29 октября Криппс получил от Черчилля телеграмму с ответом на свое письмо. Премьер-министр с нескрываемой язвительностью писал: «Я с большим пониманием отношусь к Вашему трудному положению. Я также сочувствую агонизирующей России. Но у них нет повода для упреков. Они сами выбрали собственную судьбу, подписав пакт с Риббентропом. Они позволили Гитлеру захватить Польшу. В результате началась война...»¹³. Черчилль как будто забыл, что летом 1939 года яростно обвинял в своих парламентских речах правительство своего предшественника Чемберлена за то, что оно отказалось заключить антигерманский договор с СССР и тем самым вынудило советское руководство пойти на подписание пакта о ненападении с Германией. Криппс хорошо это помнил, но его больше всего задело намерение Черчилля в дальнейшем совершенно не считаться с интересами русских и его заявление: «В настоящее время мы должны будем вести боевые действия самостоятельно в соответствии с долговременными планами, нарушать которые было бы глупостью»¹⁴.

Британский посол просил Черчилля отозвать его в Лондон, но получил отказ. Все это глубоко возмутило Криппса. 30 октября 1941 года он написал Черчиллю письмо, в котором обрушился на проводившуюся премьер-министром политику с еще более резкой критикой: «Правительство Его Величества не только не желает начинать консультации с Советским правительством по поводу стратегии против общего врага, но и не готово дать

¹² Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса. С. 136.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

аргументированный ответ русским»¹⁵. «Упреки русских беспокоят меня не больше, чем Вас, — продолжал Криппс. — Но меня чрезвычайно беспокоят упреки, вызванные недоверием и разочарованием, ибо это может сказаться на способности русских армий и народа к сопротивлению; и если Вас эта перспектива беспокоит не очень сильно, то, боюсь, Вы недооцениваете ее значения... Эти упреки могут создать для нас серьезные трудности, так как именно русские внесут основной вклад в разгром Гитлера. И после войны нам придется вместе закладывать основы европейского мира»¹⁶.

Можно представить себе, в какое раздражение привело Черчилля такое заявление Криппса, ведь о необходимости уже сейчас, во время войны, формировать основы послевоенного международного правопорядка ему писал Сталин.

Но этим заявлением британский посол не ограничился. Данное письмо он закончил еще более серьезным упреком своему премьер-министру: «Похоже мы пытаемся вести две мало связанные друг с другом войны, что весьма благоприятно для Гитлера. Думаю, что гораздо разумнее было бы вести боевые действия на основе единого плана. Больше всего меня беспокоят проблемы, связанные необходимостью вести совместные действия против Гитлера. В настоящий момент мы имеем союзника с обширными, но истощающими ресурсами. Русские уничтожают немцев в колоссальных количествах, и я крайне заинтересован в том, чтобы наша политика не разочаровала их. Мне кажется, что мы относимся к Советскому правительству с недоверием, а русских воспринимаем не как верных союзников, а младших партнеров. Этот подход напоминает мне отношение Великобритании к России после революции. В свое время он вызвал бурю протестов со стороны Советов, а сейчас мне кажется, что он может снизить их боевой дух»¹⁷.

Вполне вероятно, что упреки Криппса дали положительный результат. 7 ноября 1941 года Сталин получил от Черчилля послание, в котором говорилось о намерении приступить к планированию совместных действий. «Чтобы внести в дела ясность и составить планы на будущее, — писал британский премьер-министр, — я готов командировать генерала Уэйвелла, главнокомандующего в Индии, Персии и Ираке, для встречи с Вами в Москве, Куйбышеве, Тифлисе или в любом другом месте, где Вы будете»¹⁸.

Сталин ответил Черчиллю на следующий день: «Я согласен с Вами, что нужно внести ясность, которой сейчас не существует во взаимоотношениях между СССР и Великобританией. Эта неясность есть следствие двух обстоятельств: первое — не

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса. С. 137–138.

¹⁸ Личное послание от премьер-министра Черчилля премьеру Сталину. Получено 7 ноября 1941 г.

// Переписка Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с Президентом США Ф. Рузвельтом, Президентом США Г. Трумэном, с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Премьер-Министром Великобритании К. Эттли в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1958. С. 29–30.

существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и о планах организации дела мира после войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие»¹⁹.

12 ноября 1941 года Криппс получил от Вышинского ответ Сталина Черчиллю. В своем дневнике британский посол не без удовлетворения отметил: «Он составлен в жестких и откровенных выражениях и содержит все то, о чем я уже говорил Уинстону. Он также совпадает с посланием, которое я подготовил в ответ на телеграмму руководства. В своем письме по поводу послания Сталина я указал, что существует только два способа решения проблемы: можно либо послать в Россию Антони²⁰ и Дилла²¹ или какого-либо другого сотрудника такого же масштаба, либо дать мне полные инструкции на предмет ведения переговоров со Сталиным... Теперь я должен ждать, и если они скажут, что не собираются менять свою политику, я сразу же вернусь домой, так как здесь мне нечего будет делать»²².

Черчилль оказался в довольно сложном положении. Он не мог не понимать, что союзнические отношения Великобритании с Советским Союзом не могли больше оставаться в том зачаточном состоянии, в котором они пребывали из-за странной политики Великобритании. Но под Москвой еще только начиналась решающая схватка между Красной армией и германским вермахтом. Что мог сделать в этой обстановке британский премьер? Он решил продолжать прежнюю политику, то есть выжидать до того момента, когда станет ясно, на чьей стороне забрезжит луч победы.

2

5 декабря 1941 года советские войска, оборонявшие Москву, перешли в наступление. В течение последующих трех дней оно становилось все масштабнее и охватило, наконец, фронт шириной более тысячи километров. 8 декабря Гитлер издал директиву № 39, в которой заявил: «Суровая зимняя погода, наступившая неожиданно рано на Востоке, и возникшие в результате этого трудности с доставкой продовольствия и боеприпасов, вынуждают нас немедленно приостановить все главные наступательные операции и перейти к обороне». 12 декабря Совинформбюро сообщило о «провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» и о «поражении немецких войск на подступах Москвы»²³.

6 декабря 1941 года британское правительство объявило, что с этого дня считает Великобританию в состоянии войны с Финляндией, Румынией и Венгрией.

¹⁹ Личное послание премьера Сталина премьеру Черчиллю. Отправлено 8 ноября 1941 г. // Там же. С. 31.

²⁰ Имеется в виду глава британского Foreign Office Энтони Иден

²¹ Имеется в виду начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Джон Грир Дилл.

²² Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941–1942 гг. С. Криппса. С. 139.

²³ Сообщения Советского Информбюро. Том 1. Июнь—декабрь 1941 г. М., 1944. С. 408.

Утром 7 декабря 1941 года японская авиация совершила нападение на главную военно-морскую базу Тихоокеанского флота США, расположенную в бухте Перл-Харбор на Гавайях. Одновременно были подвергнуты бомбардировке британские колониальные владения Гонконг и Сингапур. 8 декабря император Японии своим рескриптом объявил войну США и Британской империи. В тот же день Конгресс США принял декларацию об объявлении войны Японии.

Для Уинстона Черчилля такой поворот событий не был неожиданным. Позднее в своих воспоминаниях он утверждал, что еще 11 ноября 1941 года сделал заявление о том, что «если японцы нападут на Соединенные Штаты, то объявление войны со стороны Англии последует “в тот же час”»²⁴. 8 декабря 1941 года, после того, как обе палаты парламента Великобритании единогласно проголосовали за объявление войны Японии, премьер-министр направил послу Японии весьма учтивое письмо: «Сэр! Вечером 7 декабря правительству его величества в Соединенном Королевстве стало известно, что японские войска без предварительного предупреждения в форме объявления войны или ультиматума, грозившего объявлением войны, произвели попытку высадиться на побережье Малайи и подвергли бомбардировке Сингапур и Гонконг. Ввиду этих вопиющих актов неспровоцированной агрессии, совершенных в явное нарушение международного права и, в частности, статьи 1 Третьей Гаагской конвенции, относящейся к началу военных действий, участницами которой являются как Япония, так и Соединенное Королевство, послу его величества в Токио поручено информировать японское императорское правительство от имени правительства его величества в Соединенном Королевстве, что между двумя нашими странами существует состояние войны. С глубоким уважением, сэр, имею честь быть Вашим покорным слугой Уинстон С. Черчилль».

Приведя данное письмо в своих мемуарах, Черчилль в свойственной ему манере отметил: «Некоторым не понравился этот церемонный стиль. Но в конце концов, когда вам предстоит убить человека, быть вежливым ничего не стоит»²⁵.

Все упомянутые события резко изменили ход Второй мировой войны и ускорили формирование военно-политического альянса СССР, США и Великобритании.

9 декабря 1941 года на прием к руководителю Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве А.Я. Вышинскому прибыл чрезвычайный и полномочный посол Японской империи Иосицуга Татекава с заявлением о том, что Японская империя со вчерашнего дня находится в состоянии войны с США, Великобританией, Северной Ирландией, Канадой, Новой Зеландией, Австралией и Южно-Африканским Союзом. При этом посол пояснил, что отныне «Япония будет занята и что эта война была неизбежна для существования Японской империи», так как она подверглась экономической блокаде, создававшей для нее угрозу.

²⁴ Черчилль У.С. Вторая мировая война: В 6 т. Том 3: Великий союз. М., 1998. С. 310.

²⁵ Там же. С. 313.

“Конечно, — сказал он, — Япония первая начала военные действия, но эта война была навязана Японии Англией и США”²⁶.

Данное сообщение вызывало вполне логичный вопрос о том, какой теперь будет политика Японии по отношению к Советскому государству, шедшему в то время по пути формирования военно-политического альянса с США и Великобританией. Явно ожидая, что советский руководитель спросит его об этом, Татекава сказал, что он “не получил еще инструкции своего правительства, но думает, что отношения между Японией и СССР базируются на пакте о нейтралитете”²⁷.

Ответ Вышинского на это заявление Татекавы при публикации записи данного разговора в сборнике документов внешней политики СССР был почему-то опущен, а между тем он весьма важен и показывает, что Андрей Януарьевич хорошо понимал, какой поворот произошел во взаимоотношениях крупнейших держав. Первый заместитель Наркомата иностранных дел СССР сообщил японскому послу, что также не имеет инструкций от своего правительства, но тоже думает что “отношения между Японией и СССР базируются на пакте о нейтралитете”, добавив, что советское правительство “уже несколько раз подтверждало свое отношение к пакту о нейтралитете”²⁸.

Далее Татекава сказал, что Япония должна вести войну в жарком климате, отличном от здешнего. Вышинский как бы в шутку отреагировал: «А где же лучше вести войну — в жарком климате или в таком, как здесь, холодном?». Татекава ответил, что “в жарких местах так же, как и в холодных, имеются свои хорошие и плохие стороны”²⁹.

Разговор с Татекавой продолжался 40 минут. Затем Вышинский принял для беседы поверенного в делах США в СССР Уолтера Торстона. Американский дипломат как будто ничего не знал о произошедших накануне крупных геополитических событиях и пришел лишь для того, чтобы пожаловаться на задержку телеграмм из Вашингтона и высказать просьбу о разрешении помощникам военно-морского атташе США находиться в Архангельске и на побережье Каспийского моря, поскольку пребывание их у Черного моря не было разрешено советским правительством³⁰. Вышинский объяснил, что меры для устранения задержек в передаче телеграмм уже принимаются, а насчет мест пребывания помощников военно-морского атташе посоветуется с военными и даст ответ.

²⁶ Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского с послом Японии в СССР И. Татекавой. 9 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941—1 января 1942 г. Том 24. М., 2000. С. 487.

²⁷ Там же.

²⁸ Из дневника А.Я. Вышинского. Прием японского посла Татекавы 9 декабря 1941 г. // Архив внешней политики российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 32. Л. 53.

²⁹ Там же. Л. 54.

³⁰ Запись беседы первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с поверенным в делах США в СССР У. Торстоном. 9 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941—1 января 1942 г. Том 24. С. 488—489.

В конце беседы Торстон спросил, сделали ли японцы какое-либо официальное заявление в связи с началом японо-американской войны. Вышинский ответил, что у него только что был Татекава, сообщивший о том, что Япония находится в состоянии войны с США и Британской империей.

9 декабря 1941 года в Берлин возвратился из своей ставки в Восточной Пруссии Адольф Гитлер. Встретившись на следующий день с Йозефом Геббельсом, он сообщил, что “намерен в своей речи в рейхстаге обнародовать объявление Германией войны Соединенным Штатам”³¹. Решение о вступлении в войну с США германский фюрер принял скорей всего еще утром 8 декабря, когда отдал военно-морским силам приказ атаковать американские суда, где бы они их ни встретили.

За 40 минут до выступления Гитлера в рейхстаге рейхсминистр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп пригласил к себе поверенного в делах США Лиланда Морриса и вручил ему ноту, в которой утверждалось, что правительство США, нарушив нейтралитет и перейдя к открытой военной агрессии против Германии, “фактически создало состояние войны”. В связи с этим правительство Германии объявляло о прекращении дипломатических отношений с США и заявляло о том, что “в этих обстоятельствах, созданных президентом Рузвельтом, Германия также с сегодняшнего дня считает, что находится в состоянии войны с Соединенными Штатами Америки”.

Речь Гитлера началась в 15 часов. Она заняла 88 минут и по своему содержанию была преимущественно пропагандистской³². Германский фюрер, как и прежде, стремился возложить вину за развязывание мировой войны на СССР, США и Великобританию. Он долго рассказывал о враждебных замыслах и действиях США и Великобритании против Германии и ее союзников, о стремлении Рузвельта установить неограниченную всемирную диктатуру. “Преследуя эту цель, — утверждал Гитлер, — Соединённые Штаты в союзе с Англией не отступали ни перед какими средствами, чтобы лишить немецкий, итальянский, а также японский народы возможностей для удовлетворения своих естественных жизненных интересов. По этой причине правительства Британии и Соединённых Штатов противостояли всем усилиям по созданию нового и лучшего миропорядка — как настоящего,

³¹ “Der Führer hat die Absicht, in seiner Reichstagsrede die deutsche Kriegs-erklärung an die Vereinigten Staaten öffentlich bekanntzumachen” (Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und mit Unterstützung des Staatlichen Archivdienstes Rußlands. Teil II. Diktate 1941-1945. Bd. 2. Oktober—Dezember 1941 / Bearbeitet von Elke Fröhlich. München, 1996. S. 464.

³² Полный текст данной речи Гитлера опубликован в издании: *Hitler A. Reden und Proklamationen 1932-1945. Theil 2. Untergang.* Bd. 4. 1941—1945. Leonberg, 1988. S. 1794—1811.

так и будущего”³³. За почти полтора часа своей речи Гитлера ни слова не сказал о нападении японской авиации на военно-морскую базу Тихоокеанского флота США, о бомбардировке Сингапура и Гонконга. Зато он уделил много внимания боевым действиям вермахта на восточном фронте, пытаясь представить их сверхуспешными и умалчивая о катастрофическом для германских войск развитии событий под Москвой. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года немецкий фюрер назвал защитой Германского рейха и всей Европы от якобы исходившей от нашей страны смертельнейшей опасности.

Вступление Германии в войну против США он представил как ответ на агрессивные действия президента Рузвельта, который сознательно стремился развязать мировую войну, чтобы в условиях усиливавшейся в американском обществе оппозиции его провальной экономической политике переключить общественное внимание с внутренних проблем на внешнеполитические³⁴. «Законодательство “Нового курса” этого человека было ошибочным и потому величайшим просчетом, который кто-то когда-либо допускал»³⁵, — заявил Гитлер.

Вместе с тем в данной речи германского фюрера прозвучало и нечто весьма важное для понимания причин той перемены, которая в декабре 1941 года произошла в политике США и Великобритании по отношению к СССР.

В своем выступлении в рейхстаге, Гитлер прямо не объявил войну США, а заявил о том, что Германия с Италией “оказались с этого момента вынужденными в соответствии с положениями Пакта трех держав от 27 сентября 1940 г. повести совместно с Японией борьбу за сохранение свободы и независимости своих народов и империй против Соединенных Штатов Америки и Англии”³⁶.

Созданный указанным Тройственным пактом военно-политический союз возлагал на Германию, Италию и Японию обязанность “оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами” лишь в том случае, “если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской

³³ “Im Verfolg der immer weiteren Ausdehnung einer auf unbegrenzte Weltherrschafts diktatur gerichteten Politik des Präsidenten Roosevelt sind die Vereinigten Staaten von Amerika im Verein mit England vor keinem Mittel zurückgewichen, um dem deutschen, dem italienischen und auch dem japanischen Volk die Voraussetzungen ihrer natürlichen Lebenserhaltung zu bestreiten. Die Regierungen Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika haben sich aus diesem Grunde nicht nur für die Gegenwart, sondern auch für alle Zukunft jeder berechtigten Revision zur Herbeiführung einer besseren Neuordnung der Welt entgegengesetzt” (S. 1809).

³⁴ Дословно Гитлер в рассматриваемой речи сказал: “Eine drohende Opposition braute sich über dem Haupt dieses Mannes zu sammen. Sie ließ ihn ahnen, daß nur eine Ablenkung der Aufmerksamkeit der öffentlichen Meinung von seiner inneren Politik zur äußeren hin Rettung bringen könnte” (ibid. S. 1804).

³⁵ «Die Gesetzgebung des “New Deals” dieses Mannes war falsch und damit der größte Fehlschlag, den je ein Mann er litten hatte» (ibid. S. 1803).

³⁶ “Deutschland und Italien haben demgegenüber sich nunmehr endlich gezwungen gesehen, getreu den Bestimmungen des Dreimächtepaktes vom 27. September 1940 Seite an Seite mit Japan den Kampf zur Verteidigung und damit Erhaltung der Freiheit und Unabhängigkeit ihrer Völker und Reiche gegen die Vereinigten Staaten von Amerika und England gemeinsam zu führen” (ibid. S. 1809).

войне и в японо-китайском конфликте”. Однако утром 11 декабря 1941 года, как раз накануне выступления Гитлера в рейхстаге, представители Германии, Италии и Японии заключили новое соглашение, в котором эти государства представлялись уже вступившими войну против США и Англии.

В первой статье нового варианта Тройственного пакта декларировалось, что “Германия, Италия и Япония будут сообща всеми имеющимися в их распоряжении средствами вести навязанную им Соединенными Штатами Америки и Англией войну до победного конца”³⁷. Не менее примечательной являлась и вторая статья, гласившая: “Германия, Италия и Япония обязуются не заключать перемирия или мира ни с Соединенными Штатами Америки, ни с Англией без полного взаимного согласия”³⁸.

Подобное требование содержалось и во втором пункте «Соглашения о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии» от 12 июля 1941 года. Стороны обязывались не вести во время войны “переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»³⁹.

Таким образом, в начале декабря 1941 года против США и Великобритании выступил целый блок держав. К Германии присоединились все ее сателлиты, на германский вермахт работала военная промышленность Франции и почти всех других европейских стран. Чтобы успешно противостоять этой силе, американские и британские правительственные круги должны были пойти на значительно более тесное сближение с Советским Союзом, чем предполагали ранее. Но это означало прежде всего заключение правительствами Великобритании и США определенных договоренностей с руководством СССР как о целях совместной войны, так и о планах организации послевоенного международного правопорядка войны.

Необходимость выработки таких соглашений была очевидна председателю советского правительства и руководителям Наркомата иностранных дел СССР, но премьер-министр Великобритании и президент США все советские предложения на этот счет до сих пор оставляли без ответа. Так, буквально накануне судьбоносных декабрьских событий — 22 ноября 1941 года — Сталин получил из Лондона письмо, в котором Черчилль сообщил, что готов в ближайшем будущем командировать в Москву главу своего Foreign Office Энтони

³⁷ “Deutschland, Italien und Japan werden den ihnen von den Vereinigten Staaten von Amerika und England aufgezwungenen Krieg mit allen ihnen zu Gebote stehenden Machtmitteln gemeinsam bis zum siegreichen Ende führen” (ibidem).

³⁸ “Deutschland, Italien und Japan verpflichten sich, ohne volles gegenseitiges Einverständnis weder mit den Vereinigten Staaten von Amerika noch mit England Waffenstillstand oder Frieden zu schließen” (ibidem).

³⁹ Соглашение о совместных действиях правительства Союза ССР и правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии. 12 июля 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Том 24. С. 145.

Идена в сопровождении высокопоставленных военных и других экспертов, с которыми можно будет “обсудить любой вопрос, касающийся войны”⁴⁰.

Однако решение проблем послевоенного мироустройства британский премьер-министр переносил на период после разгрома Германии. “Я вижу, что Вы желаете также обсудить послевоенную организацию мира,— писал он Сталину. — Наше намерение состоит в том, чтобы вести войну в союзе и в постоянной консультации с Вами при максимальном напряжении наших сил и сколько бы она ни продлилась. Когда война будет выиграна, в чем я уверен, мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм”⁴¹.

Черчилль и Рузвельт не были тогда уверены в том, что Советское государство устоит под ударами военной машины Германии и ее сателлитов. Лишь успешное контрнаступление Красной Армии под Москвой убедило их в способности СССР эффективно вести войну в самых сложных условиях. Черчилль стал даже думать о том, чтобы побудить Сталина вступить в войну против Японии. В отправленном 13 декабря 1941 года секретном послании Э. Идену, который в это время ехал в поезде из Мурманска в Москву, он писал: “Очень может быть, что недавние успехи на русском фронте могут способствовать желанию Сталина вступить в войну против Японии. Обстановка каждый день меняется в нашу пользу, и Вам предстоит на месте решить каким в рамках разумного должно быть давление, которое нам следует на него оказать”⁴².

После разгрома германских войск под Москвой, явные признаки которого проявились уже к середине декабря 1941 года, обсуждение проблем устройства послевоенного международного порядка с руководством СССР не могло уже казаться руководителям западных держав бессмысленным или преждевременным. Поэтому прибывший в Москву 15 декабря 1941 года глава внешнеполитического ведомства Великобритании был готов провести переговоры не только о поставках Советскому Союзу необходимых для ведения войны вооружений и материалов, но и о предварительных параметрах послевоенного мироустройства. Однако вряд ли в Лондоне и Вашингтоне ожидали, что советское руководство представит весьма продуманный системный план создания нового международного правопорядка. Ведь для разгрома Германии с ее союзниками и сателлитами СССР, США и Великобритании надо было приложить еще много усилий и

⁴⁰ У. Черчилль И.В. Сталину. Получено 22 ноября 1941 г. // Переписка Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с Президентом США Ф. Рузвельтом, Президентом США Г. Трумэнном, с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Премьер-Министром Великобритании К. Эттли в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. - ноябрь 1945 г.). М., 1958. С. 33.

⁴¹ Там же.

⁴² Черчилль — Идену. 13 декабря 1941 г. // *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. С. 55.

пройти через множество тяжких испытаний. Тем не менее такой план был предложен председателем советского правительства при его встрече с представителем правительства Великобритании.

Обсуждение, довольно подробно запротоколированное, отчетливо показывает, каким тяжким бременем для нашей страны являлись союзнические отношения с Великобританией и сколь трудным испытанием были для наших руководителей переговоры с британским руководством.

Первая беседа председателя советского правительства и главы внешнеполитического ведомства Великобритании состоялась вечером 16 декабря 1941 года. В самом начале разговора Сталин передал Идену проекты двух договоров: 1) “О союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии” и 2) “Об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией”⁴³.

Первый из названных проектов состоял из 4-х, а второй из 3-х статей. Ими предполагалось, что оба союзных государства будут взаимно “оказывать друг другу военную помощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии и соучастников гитлеровской агрессии в Европе”⁴⁴. Обе стороны обязывались “не вступать в переговоры с гитлеровским правительством Германии или каким-либо другим германским правительством, которое представляло бы нацистско-империалистический режим, и не заключать перемирия или мирного договора с Германией, кроме как с обоюдного согласия”⁴⁵.

Проект второго договора налагал на его стороны взаимную обязанность “при решении послевоенных вопросов, связанных с организацией дела мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию”⁴⁶. Кроме того, стороны выражали в нем согласие “о том, что по окончании войны они примут все меры к тому, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира со стороны Германии”⁴⁷.

⁴³ В шифртелеграмме послу СССР в США М.М. Литвинову от 18 декабря 1941 г. Молотов, сообщая о переговорах Сталина с Иденом, назвал этот проект “договором об организации послевоенного мира в Европе” (АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2369. Л. 178).

⁴⁴ Советский проект договора «О союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии». 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 511.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Советский проект договора «Об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией». 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 513.

⁴⁷ Там же.

Представляя главе британского Foreign Office проект договора, касавшийся послевоенного устройства мира, Сталин высказал мнение о желательности «приложить к нему секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны»⁴⁸, содержались бы предложения о границах таких стран, как Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Турция, Греция, а также предлагалось бы решение о статусе послевоенных Франции и Германии. Председатель советского правительства также пояснил, что «Советский Союз считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 году, накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 года, Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже выше было сказано, в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок»⁴⁹.

К этим изложенным в протоколе предложениям Сталин устно добавил еще два пожелания, касавшиеся послевоенного мироустройства: 1) предусмотреть возмещение Германией вреда, нанесенного другим странам (Великобритании, СССР, Польше и т.д.) и 2) создать в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка «военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу»⁵⁰.

Глава британского внешнеполитического ведомства представил в ответ на советские проекты договоров свой проект соглашения между СССР и Великобританией по вопросу устройства послевоенного международного правопорядка. В первом его пункте предполагалось объявить, что «оба правительства совместно подтверждают принятие ими принципов декларации от 14 августа 1941 года, сделанной президентом Соединенных Штатов и премьер-министром Соединенного Королевства»⁵¹. Во втором — указать, что «оба правительства обязуются сотрудничать всеми возможными путями, пока германское военное могущество не будет настолько сломлено, что оно не сможет в дальнейшем угрожать миру во всем мире», а также обязуются не заключать мира ни с одним из правительств Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений». В

⁴⁸ Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 502.

⁴⁹ Там же. С. 503.

⁵⁰ Там же. С. 503–504.

⁵¹ Английский проект соглашения. 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 512.

третьем пункте предлагалось заявить, что «оба правительства приняли решение сотрудничать в деле восстановления и последующего сохранения мира по окончании настоящей войны», однако целью мирного урегулирования было предложено считать всего лишь *“установление и поддержание условий, которые обеспечат, чтобы Германия не смогла снова нарушить мир во всем мире”*⁵².

В четвертом пункте британского проекта соглашения между СССР и Великобританией было сказано, что правительства СССР и Великобритании будут сотрудничать в деле переустройства Европы после войны с целью: «а) гарантирования и укрепления экономической и политической независимости всех европейских стран, существующих как отдельные государственные единицы или как федерации; б) переустройства промышленной и экономической жизни тех стран, территории которых будут оккупированы державами “оси”»⁵³.

Что касается новых границ в Европе, установившихся в Европе в связи с расширением территории Советского Союза на запад, то в подготовленном правительством Великобритании проекте соглашения о сотрудничестве в установлении нового международно-правового порядка, пятым пунктом было предложено «строить свою политику на принципе, изложенном в совместной декларации Президента Соединенных Штатов и Премьер-Министра Соединенного Королевства, гласящем, что они “не стремятся к территориальным и другим приобретениям”, а также на провозглашенном г. Сталиным в его заявлении 6 ноября 1941 года принципе невмешательства во внутренние дела других народов»⁵⁴. *Это означало, что правительство Великобритании отказывалось решать со Сталиным вопрос о юридическом оформлении новых границ в Европе.*

В шестом пункте британского проекта соглашения провозглашалось, что “ни то ни другое правительство не вступит ни в какое секретное соглашение с какой-либо третьей державой, которое затрагивало бы или смогло бы затронуть переустройство Европы после войны”⁵⁵.

В разговоре со Сталиным Иден сообщил, что “еще до того, как СССР был вовлечен в войну, Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство не принимать на себя никаких секретных обязательств о послевоенной реконструкции Европы без предварительной консультации с ним”⁵⁶.

Между тем общую схему новых границ в Европе Сталин предлагал закрепить именно секретным протоколом. Отказ правительства Великобритании от составления секретных протоколов к межгосударственным договорам был еще одним свидетельством его

---

⁵² Там же. С. 513.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 16 декабря 1941 г. С. 505.

нежелания юридически признавать новые границы, возникшие, в частности, вследствие вхождения в состав Советского Союза территорий бывшей Российской империи, утраченных в результате революции 1917 года и последующей гражданской войны.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР негативно отзывался о британском проекте соглашения, который привез в Москву Иден. Его текст, заметил Сталин, “очень напоминает декларацию. Наоборот, советское правительство предлагает два договора. Декларация — это алгебра, договоры — это простая арифметика. Мы хотим арифметики, а не алгебры”⁵⁷. Содержание данного проекта наводит на мысль, что он разрабатывался не для того, чтобы вступить в силу, а всего лишь с целью развеять у руководителей Советского государства всякие подозрения о том, что США и Великобритания будут после войны игнорировать интересы СССР при новом устройстве мирового порядка и полностью исключат его из британо-американской схемы этого устройства.

Понимая, что определение границ является самой сложной проблемой в устройстве послевоенного миропорядка, руководитель Советского государства заявил, что “не настаивает на немедленном принятии тех его предложений, которые касаются изменения границ за пределами СССР, но он полагал бы, что вопрос о западной границе СССР мог бы быть разрешен немедленно”⁵⁸.

Глава внешнеполитического ведомства Великобритании не был уполномочен на это, и из дальнейшей его беседы со Сталиным стало ясно почему: британское правительство не могло принимать решения по всем вопросам подобного рода без консультаций с руководством США и со своими доминионами.

Во время следующей беседы с Иденом, состоявшейся 17 декабря, Сталин вновь поднял вопрос о юридическом признании западных границ СССР. Вопрос о них, сказал председатель советского правительства, представляет исключительную важность, «советское правительство особенно заинтересовано в нем, в частности, еще и потому, что как раз вопрос о Прибалтийских странах и Финляндии явился камнем преткновения при переговорах о пакте взаимопомощи, происходивших в 1939 г. при правительстве Чемберлена». Иден в ответ заявил, что Великобритания “не может признать никакого изменения границ в Европе, происшедшего на протяжении войны”⁵⁹.

Третья беседа Сталина с Иденом состоялась 18 декабря 1941 года. Глава советского правительства предложил представителю правительства Великобритании составленный накануне новый вариант проекта договора о послевоенной организации мира и безопасности, вобравший в себя и некоторые положения британского проекта. Сталин согласился объявить в первой же статье о признании договаривающимися сторонами

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 17 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 519.

принципов Атлантической хартии, принятой президентом США и премьер-министром Великобритании 14 августа 1941 года. Третья статья в новом варианте советского проекта устанавливала, что “обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов”⁶⁰.

20 декабря 1941 года, во время четвертой беседы Сталина с Иденом стало окончательно ясно, что советское руководство и британское правительство не придут к какому-либо компромиссу по вопросу о юридическом признании новых западных границ СССР. Следовательно, договоры между союзниками в войне против фашистской Германии подписаны не будут. Сталин сказал Идену, что, пожалуй, был бы готов подписать оба договора, быть может, с небольшими редакционными изменениями, если бы у них не было дискуссий по вопросу о границах. По словам советского руководителя, эти дискуссии вскрыли ситуацию, которой он никак не ожидал. Англия имела в прошлом “союз с царской Россией, в состав которой входили Финляндия, Бессарабия и более половины Польши. Ни один государственный деятель Англии в то время не думал протестовать против союза на том основании, что названные территории входят в состав Российской империи. Ныне, однако, вопрос о финской границе и балтийских республиках является, видимо, камнем преткновения”⁶¹. При этом, подчеркнул Сталин, он отказался от секретных проколов, отказался от требования к Великобритании о создании Второго фронта. В виду этих сделанных советской стороной уступок она считает себя вправе требовать компенсации в виде признания западной границы СССР по состоянию на 1941 год.

Настаивая в переговорах с американским и британским руководством на необходимости решить вопрос о послевоенном мироустройстве в целом и о государственных границах СССР, в частности, до завершения мировой войны, Сталин действовал в высшей степени расчетливо. Он понимал, что на серьезные уступки Советскому государству США и Великобритания могут пойти только во время войны, когда их зависимость от успехов боевых действий Красной армии против немецко-фашистских войск была предельной.

21 декабря 1941 года нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, участвовавший в переговорах Сталина с главой внешнеполитического ведомства Великобритании, сообщил послу СССР в США М.М. Литвинову, что “Беседы с Иденом закончились 20 декабря без

⁶⁰ Соглашение между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией. 17 декабря 1941 года // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 530.

⁶¹ Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 20 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 539.

подписания договоров, так как Иден не согласился на наше предложение в отношении признания западных границ СССР, сославшись на необходимость предварительного согласования этого вопроса с доминионами и США”⁶².

22 декабря Энтони Иден и британские специалисты, которые его сопровождали, покинули Москву, направившись в Лондон. Официальное коммюнике о прошедших с 16 по 20 декабря советско-британских переговорах было опубликовано 29 декабря одновременно в Москве и Лондоне. В нем отмечалось, что произошел “исчерпывающий обмен мнений по вопросам, касающимся ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе”, что “беседы, происходившие в дружественной атмосфере, констатировали единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающиеся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным. Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области”⁶³.

Несмотря на то, что планировавшееся подписание договоров между СССР и Великобританией о взаимной военной помощи и разрешении вопросов послевоенного устройства мира и безопасности в Европе не состоялось, советско-британские переговоры декабря 1941 года имели огромное значение для прояснения позиций двух держав относительно послевоенных границ и статуса европейских государств, втянутых в мировую войну. Самое же главное заключалось в том, что советскому руководству удалось убедить правительство Великобритании в необходимости разработки контуров международного правопорядка до окончательной победы над фашистской Германией.

Возвратившись в Лондон, Иден составил довольно объемную записку, в которой подвел итог своим беседам со Сталиным и выразил навеянные ими собственные мнения о политике Великобритании по отношению к СССР. 28 января 1942 года глава Foreign Office направил ее членам британского правительства.

“Всякая оценка возможности курса политики СССР, — отмечалось в этом документе, — должна зависеть от хода войны, из того как она отражается на России, состояния, в котором Сов[етский] Союз выйдет из войны и обстоятельств, при которых война окончится. Если поражение германских армий состоится главным образом благодаря действию советских войск и до того как полностью развернется военная мощь Великобритании и США, позиция России на европейском континенте будет неприступной. Русский престиж будет настолько велик, что облегчит установление в ряде европейских стран коммунистических

⁶² Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова послу СССР в США М.М. Литвинову. 22 декабря 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2369. Л. 192.

⁶³ Англо-советское коммюнике о беседах председателя Совета Народных Комиссаров И.В. Сталина и народного комиссара СССР В.М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 29 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Том 24. 22 июня 1941 – 1 января 1942. С. 563.

правительств и, естественно, Сов[етский] Союз соблазнится вести работу в этом направлении. Более того, русские смогут тогда забрать с германских фабрик оборудование, в котором будут нуждаться для восстановления русской промышленности, не считаясь с нуждами Великобритании и США. В результате Сов[етский] Союз может стать совершенно независимым от той помощи, за которой при других обстоятельствах он был бы вынужден обращаться к нам и Америке и, будучи таковым, не захочет больше приспосабливаться к той политике, которую Англия и Америка могут пожелать вести. Эта возможность сама по себе является доводом за установление тесных отношений с Советским Союзом уже теперь, пока еще его политика расплывчата, **чтобы иметь как можно большее влияние на формирование его политики в будущем**⁶⁴ (выделено мной. — В.Т.).

3

В первый день 1942 года в Вашингтоне в президентском кабинете Белого дома президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании и Северной Ирландии У. Черчилль, посол М.М. Литвинов от имени Правительства СССР, министр иностранных дел Национального Правительства Китайской республики Цзывэнь Сун подписали Общую декларацию указанных государств (A Joint Declaration), которая впоследствии стала называться Декларацией Объединенных Наций (Declaration by United Nations). На следующий день подписи под ее текстом поставили представители 22 государства Австралии, Азии, Африки, Европы и Латинской Америки.

Принятие этого документа положило начало процессу, который через три с половиной года привел к учреждению Организации Объединенных Наций. Третья статья Устава ООН, подписанного представителями 50 государств 26 июня и ратифицированного большинством из них 24 октября 1945 года, объявляла: «Первоначальными Членами Организации Объединенных Наций являются государства, которые, приняв участие в Конференции в Сан-Франциско по созданию Международной Организации или ранее подписав *Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 года*, подписали и ратифицировали настоящий Устав в соответствии со статьей 110»⁶⁵ (курсив мой. — В.Т.).

С этой международной организацией, созданной для того, чтобы избавить человечество от бедствий мировой войны, прививать уважение к международному праву и к другим основополагающим ценностям нормальной человеческой жизни, связан последний период в жизни А.Я. Вышинского. Андрей Януарьевич не являлся публичным политиком и вряд ли когда-нибудь хотел им стать, но в Организации Объединенных Наций он вынужден был взять на себя это тяжелое бремя. Многочисленные и яркие выступления Вышинского на

⁶⁴ Текст секретного меморандума Э. Идена от 28 января 1942 г., разосланного для ознакомления членов британского правительства // Архив службы внешней разведки Российской Федерации. Л. 373—374.

⁶⁵ URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mhqtsa4hll807820515> (дата обращения — 3 ноября 2025 г.).

заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН — одно из самых интересных событий в его политической судьбе.

* * *

Идея объединить противников Германии и Японии в военно-политический союз и объявить об этом общей декларацией возникла в Вашингтоне вскоре после нападения японской авиации на военно-морскую базу Тихоокеанского флота США. Корделл Халл, занимавший с 4 марта 1933 года по 30 ноября 1944 года пост государственного секретаря, писал по окончании Второй мировой войны в своих мемуарах: «Почти сразу после Перл-Харбора я начал размышлять о том, какую форму единства должны принять народы, сражающиеся против Гитлера и Японии... 13 декабря я попросил начальника отдела по делам Дальнего Востока Максвелла М. Гамильтона подготовить проект декларации, с которой должны выступить страны, воюющие против стран Оси, и которая объединила бы их до победы и обязала соблюдать основные принципы, каких мы придерживаемся»⁶⁶. На следующий день Гамильтон представил два проекта декларации: один — для подписания всеми союзниками, кроме СССР, который не находился в состоянии войны с Японией, и другой — для подписания со стороны СССР. Корделл Халл не принял это предложение. «Мы быстро решили отказаться от второго проекта, полагая, что было бы гораздо эффективнее включить Россию в число остальных союзников»⁶⁷, — написал он в своих мемуарах.

14 декабря 1941 года Государственным секретарем и его помощниками был составлен новый проект декларации, предполагавший подписание этого документа также представителем Советским государства, которое с этого момента начинало считаться союзником США. «Во время Первой мировой войны мы рассматривали и называли себя “ассоциированной державой” (“Associated Power”), а не союзником (Ally), — отмечал в своих воспоминаниях Корделл Халл. — Декларация, которую мы сейчас подготовили, носила характер альянса (was in the nature of an alliance). Он охватывал два основных пункта обычного военного союза, а именно: обязательство оказывать полную поддержку и сотрудничать в ведении войны против общего врага и обязательство не прекращать боевых действий против общего врага иначе как по взаимному согласию»⁶⁸.

19 декабря 1941 года государственный секретарь представил доработанный проект совместной декларации союзников президенту США. В сопроводительном письме Франклину Рузвельту Корделл Халл писал: «Четыре главные нации, которые сейчас сражаются вместе, а также любые другие, которые присоединятся к ним, должны немедленно подписать общую декларацию принципов, которая должна содержать обязательство использовать все свои ресурсы и все свои вооруженные силы для победы над

⁶⁶ The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. London, 1948. P. 1114—1115.

⁶⁷ Ibid. P. 1115..

⁶⁸ Ibid. P. 1116.

общим врагом и должна включать обязательство координировать силы, а также должна предусматривать обязательство всех них не прекращать военных действий и не заключать сепаратного перемирия ни с общими врагами, ни с кем-либо из них до тех пор, пока эти враги не будут окончательно побеждены»⁶⁹.

К 24 декабря 1941 года в правительстве Великобритании также был составлен свой проект совместной декларации, и его передали в Вашингтон. Здесь американский и британский проекты соединили в один общий документ, который на следующий день представили президенту США. В преамбуле первым было указано правительство США, затем правительства Великобритании и ее доминионов, после которых следовали в порядке английского алфавита правительства Бельгии, Китая, Чехословакии, Греции, Люксембурга, Голландии, Норвегии, Польши. Все они, за исключением китайского, были правительствами стран, целиком захваченных Германией. Но только после них назывались правительства СССР (The Union of Soviet Socialist Republics) и Югославии.

Рузвельт передал этот проект для оценки Гарри Гопкинсу и рано утром 27 декабря получил от него записку с критическими замечаниями. «Я бы выделил, — писал Гопкинс, — такие страны, как Китай и СССР, из алфавитного порядка и поставил их рядом с именами нашей страны и Соединенным Королевством, чтобы подчеркнуть разницу между теми, кто активно ведет войну в собственных странах и теми, кто захвачен державами оси»⁷⁰.

Президент США в тот же день направил государственному секретарю предложение внести поправку в преамбулу. Я считаю, что Китай и СССР следует исключить из алфавитного списка и включить в него, как и Соединенные Штаты и Британскую империю, на том основании, что они воюют в своих собственных странах. У меня такое чувство, что США были бы недовольны, если бы их название стояло рядом с некоторыми странами, которые реально вносят незначительный вклад»⁷¹.

27 декабря проект декларации был передан советскому послу. М.М. Литвинов сделал перевод его текста на русский язык и переслал шифртелеграммой в Москву. 29 декабря Литвинов представил текст декларации государственному секретарю США с тремя

⁶⁹ «The four chief nations now fighting together, as well as any others who will join with them, should forthwith sign a common declaration of principle, which should embody a pledge to employ their entire resources and their full military effort to defeat the common enemy, and should include a pledge to coordinate these efforts, and should include also a pledge by all of them not to cease hostilities nor conclude a separate armistice with the common enemies or any of them Until these enemies are finally defeated» (Memorandum by the Secretary of State to President Roosevelt. December 19, 1941 // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers 1942 (In Seven Volumes). Vol. 1. General. The British Commonwealth. The Far East. Washington, 1960. P. 3).

⁷⁰ Цит. по: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Том 2. М., 1958. С. 20.

⁷¹ «I believe that China and the U. S. S. R. should be lifted from an alphabetical listing and included as are the United States and the British Empire on the theory that they are fighting in their own countries. I have a feeling the U. S. S. R. would not be pleased to see their name following some of the countries which are realistically making a minor contribution» (President Roosevelt to the Secretary of State. December 27, 1941 // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers 1942. Vol. 1. P. 13. Также см.: The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. P. 1120).

поправками, сделанными в Москве. Две из них были стилистическими, одна — смысловая. Советская сторона признала целесообразным изменить последние слова заключительной статьи этого документа, в которой говорилось: «К выше указанной декларации могут присоединиться другие нации, которые оказывают или могут оказывать материальную помощь и содействие поражению членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему»⁷². На тексте шифртелеграммы Литвинова Сталин карандашом зачеркнул фрагмент «поражению членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему», заменив его словами «в борьбе за победу над гитлеризмом»⁷³.

Государственный секретарь попытался убедить советского посла в том, что для стран, ведущих войну с японскими агрессорами, невозможно изъять название Японии из текста декларации⁷⁴, но Литвинов пояснил, что слово «гитлеризм» означает нацизм, фашизм и ниппонизм⁷⁵. И президент США согласился на эту поправку Сталина.

По воспоминаниям Корделла Халла, утром 31 декабря, Франклин Рузвельт навестил гостившего в Белом доме Уинстона Черчилля и предложил ему назвать подготовленную декларацию не «Общая декларация», а «Декларация Объединенных Наций». Премьер-министр поддержал данную идею⁷⁶.

Именование вступивших в борьбу с фашизмом стран *нациями* не было новым. Оно нередко использовалось в политических документах военного времени как синоним слов «государство», «держава», «народ». В своей речи по поводу объявления войны Японии, произнесенной 9 декабря 1941 года, президент США говорил: «Мы выиграли драгоценные месяцы, отправив огромное количество наших военных материалов **нациям** мира, все еще способным противостоять агрессии стран Оси»⁷⁷.

⁷² «The foregoing declaration may be adhered to by other nations which are, or which may be, rendering material assistance and contribution towards the defeat of the members of the Tripartite Pact» (Draft Joint Declaration by the United States of America, China, Great Britain, the Union of Soviet Socialist Republics... December 27, 1941 // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers 1942. Vol. 1. P. 14.

⁷³ Шифртелеграмма посла СССР в США М. М. Литвинова. 27 декабря 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878-1953). Оп. 11. Д. 385. Л. 118.

⁷⁴ «I said... it would be almost impossible for us to omit Japan from the document, should Hitler be mentioned. The Ambassador said it was the other way around with his Government—that Hitlerism stood for Naziism, Fascism and Nipponism» (Memorandum of Conversation, by the Secretary of State. December 29, 1941 // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers 1942. Vol. 1. P. 18.

⁷⁵ Ниппонизм или японизм — идеология японского фашизма, проникнутая духом избранности японской нации.

⁷⁶ The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. P. 1124.

⁷⁷ «Precious months were gained by sending vast quantities of our war material to the Nations of the world still able to resist Axis aggression» ("We Are Going to Win the War and We Are Going to Win the Peace That Follows" — Fireside Chat to the Nation Following the Declaration of War with Japan. December 9, 1941 // The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. [Vol. 10]. 1941. The call to battle stations. New York, 1950. P. 526).

Представляя Франклину Рузвельту 19 декабря 1941 года проект Общей декларации, государственный секретарь Корделл Халл обозначил США, Великобританию, СССР и Китай словами «четыре главные **нации**, которые сейчас сражаются вместе»⁷⁸.

Термин «нации» присутствовал и в тексте самой декларации: в ее заключительной части говорилось о возможности присоединения к декларации других *наций*. Однако главными субъектами, принимавшими на себя обязательства, назывались в Декларации Объединенных Наций *правительств* (governments). В основном тексте этого документа провозглашалось: «Правительства, подписавшие сие, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, воплощённой в общей Декларации Президента США и Премьера Великобритании от 14 августа 1941 года, известной под названием Атлантической Хартии, будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах, и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил»⁷⁹, стремящихся покорить мир, заявляют:

1) Каждое правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне.

2) Каждое правительство обязуется сотрудничать с другими правительствами, подписавшими сие, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами»⁸⁰.

В газете «Правда» подписанный в Вашингтоне 1 января 1942 года договор о создании военно-политического союза 26 государств был назван «общей декларацией»⁸¹. Сообщение об этом событии располагалось на первой странице справа, а слева публиковалась редакционная статья под названием «Беспощадно истреблять фашистское зверье». В ней описывались ужасающие преступления германской армии на территории нашей страны. «Разве это люди, — восклицал автор статьи. — Это — не люди, а звери. О них товарищ Сталин сказал, что это — люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных. Это — люди, потерявшие человеческий облик и павшие до уровня диких зверей»⁸². Уподобление фашистских захватчиков диким зверям было характерно для советских газет военного

⁷⁸ Memorandum by the Secretary of State to President Roosevelt. December 19, 1941. P. 3.

⁷⁹ Слова оригинального текста *savage and brutal forces*, на наш взгляд, правильнее перевести как «диких и жестоких сил», а не «диких и зверских».

⁸⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Том 1. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. М., 1944. С. 171. Declaration by United Nations, signed January 1, 1942 // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers 1942 (In Seven Volumes). Vol. 1. General. The British Commonwealth. The Far East. Washington, 1960. P. 25—26.

⁸¹ Подписание в Вашингтоне Декларации 26 государств // Правда. 1942. № 3 (8774). 3 января. С. 1.

⁸² Беспощадно истреблять фашистское зверье! // Правда. 1942. № 3 (8774). 3 января. С. 1.

времени и для официальных документов, в которых фиксировались преступления вторгнувшихся в пределы нашей страны вражеских армий⁸³.

Этот образ так широко использовался, что превратился в речевой штамп. Между тем отождествление людей, утративших человечность, с дикими зверями, с точки зрения действительности и здравого смысла, неправильно и неуместно. Звери не совершают преступлений, а просто живут в соответствии со своими природными инстинктами и, в отличие от людей, не предаются себе, поступая вопреки своей сущности.

---

⁸³ См., например: Зверства немецких захватчиков (Факты и документы). М., 1941. Чудовищные зверства немецких фашистов. Саратов, 1941.